

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДЕОЛОГИИ И ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Е. Ю. Виноградова

Автор анализирует, каким образом господствующая идеология ведет к формированию определенных социальных ожиданий, а как следствие – социальных практик, на примере кейсов, которые позволяют рассмотреть, каким образом данный процесс происходит как в гендерно-маркированных системах отношений (конструирование социального статуса женщины-матери), так и в более широком контексте. Устанавливается взаимосвязь между тем, как частные практики субъекта в сообществе влияют на изменение его социального статуса.

Ключевые слова: социальные ожидания, идеология, социальные практики, материнство, социальный статус женщины, гендерно-маркированные системы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект 15-06-10726 (а).

Исторические условия, которые определяют критерии рационального выбора женщины относительно деторождения, становятся основанием для дальнейшего анализа и прогнозирования тенденций трансформации женских репродуктивных практик. В зависимости от социально-исторического контекста и господствующей идеологии в обществе различные системы экспертного знания обеспечивают конструирование соответствующего той или иной эпохе социального статуса женщин с использованием контроля за деторождением.

Социальные ожидания самих женщин, связанные с наступлением материнства, репрезентированы в частном дискурсе. В целом тенденция такова, что материнство как элемент частного пространства воспринимается позитивно. В публичном же дискурсе статус женщины-матери неоднозначен.

В настоящее время в российском обществе существует частичный разрыв между частным и публичным дискурсами о беременности и деторождении. Доминирующим в публичном дискурсе по-прежнему остается основанный на идеологии контроля дискурс социальной политики и прочно подкрепляющий его фетоцентрический контекст

Об авторе:

Виноградова Елена Юрьевна

*научный сотрудник
Института изучения
общественных явлений
E-mail:
vintmetod@rembler.ru*

*ул. Молодогвардейская,
196, 443001 Самара,
Россия.*

дискурса медиализации. В современном обществе идеология контроля уверенно поддерживается экономическими основаниями дискурса рыночных отношений. В сферу частной жизни проникает идеология ухода за собой и достижения успеха, что влияет на восприятие женщинами состояния беременности как личного решения и реализации собственных интересов. Стоит отметить, что распространение и той и другой идеологии ограничено принадлежностью к социальной группе и социальным статусом женщины и ее семьи.

Маркером дискурса о беременности в публичном пространстве становится «угроза». В ситуации угрозы оказывается сама женщина, ее окружение, беременность угрожает социальному благополучию, привычному порядку вещей и т. д. Тому, как производятся конструкты, интерпретирующие уровни и степени «угрозы», предшествуют определенные исторические и культурные предпосылки, возникающие на фоне тех или иных социально-исторических условий – контекст. Сегодня экономические категории активно внедряются и в приватный дискурс о беременности и деторождении под влиянием таких смысловых коннотаций, как «ребенок-дорогое удовольствие», «были бы деньги», констатации системы ограничений, которые возникают у родителей «сейчас – другая жизнь, до ребенка была – другая жизнь».

В современной феминистской традиции контрдискурс строится на основании идеологии достижения успеха. В равных для гонки за достижениями и успехом условиях социальная мобильность, которая резко возросла в постсоветский период, повлияла на репродуктивный выбор большинства женщин. Резюмируя западный опыт, феминистские исследователи рассматривают материнство как социальный институт. Они делают акцент на том, что среди сознательно бездетных женщин значительное количество выходцев из семей рабочего класса, поднявшихся по ступеням социальной иерархии. Для таких женщин материнство просто не включено в сферу их персональных приоритетов [Morell 1993, 309]. В современном обществе, где наиболее ценной «валютой» становится личное время, которое можно направить на развитие собственного потенциала, материнство оказывается более тягостным, чем когда бы то ни было.

В рамках кейса мы будем использовать данные электронной базы СМИ «Интегрум», анализ публикаций центральных и региональных газет (в том числе электронных версий некоторых печатных СМИ). Используя дискурсивный анализ текста новостей и публикаций, предложенный Т. ван Дейком, мы попытаемся определить, в рамках каких моделей задается сценарий опасности, угрозы, связанной с наступлением беременности.

*«Помогает тот, кто сам был в беде «АиФ» заступился за одинокую женщину с детьми <...> Статья <...> называлась «Кубанская нищета» (АиФ-Юг, 2013, № 42), в ней «АиФ» рассказал историю жительницы края Анны Кучеренко. **В нищете она оказалась из-за... беременности.** Анна уже растит без мужа дочь, еле сводя концы с концами. И вот случилась беда-счастье - она забеременела вторым ребенком. Кавалер вяло пообещал помочь... Работодатель, едва обозначился животик, предложил уволиться. **Жизнь поставила перед выбором: избавиться от***

ребенка и сохранить небольшой, но стабильный доход либо... Анна **выбрала** малыша. И вместе с этим - полуголодное существование. Куда бежать? К родным, к властям?» (Лазебная С. Анна и дед // АиФ-Юг, дата публикации 11.12.2013).

«Нежелательная беременность — одна из основных причин, по которой мигрантки бросают своих детей. Для большинства ребенок является **позором**, поскольку он был зачат не в законном браке, пояснила Джураева. — Мы боремся с этой **проблемой** и в настоящее время готовим обращение в миграционную службу Таджикистана с просьбой запретить выезд из страны девушек в возрасте до 24 лет и беременных женщин (Гавхар Джураева, глава правозащитной организации «Миграция и право». — **Прим. авт.**).

Директор Института социальной политики и социально-экономических программ ВШЭ Сергей Смирнов полагает, что с мигрантками необходимо проводить профилактические беседы. Однако эксперт уверен, что профилактические беседы стоит проводить только с легальными мигрантками. Если же беременная женщина находится в стране **незаконно**, то **ее необходимо депортировать**» (Бородина Т. Нелегальных беременных депортируют // Известия, московский выпуск, PDF, дата публикации 11.12.2013).

«<...> Часто в благотворительные фонды и церковь обращаются женщины с **кризисной** беременностью. При этом возникает вполне резонный вопрос: а где же твои мама, папа, брат, дядя, дедушка, в конце концов? Почему **у тебя проблемы** с жильем, едой, одеждой, почему близкие отказываются от твоего еще не родившегося ребенка?» (Иванова О. Семья превыше всего // Сельская жизнь, дата публикации 12.12.2013).

В данном корпусе текстов мы выделяем семантические единицы, которые «повышают градус опасности», связанный с состоянием беременности. Беременность как нищета, жизненный выбор между «нормальной» жизнью и голодным существованием, как время, связанное с появлением проблем, позором, страхом оказаться вне закона (во втором тексте смешиваются как минимум два типа угроз – беременность и миграция, образуя консеквенцию, что усиливает эффект, поскольку обе роли помещают женщину в рамки маргинализации). Беременность связывается с такими понятиями, как кризис и риск – коннотативно относящихся к сфере экономики. Все три текста призваны сформировать и оправдать позицию государства в ответ на угрозу. Как и следует ожидать, данный дискурс базируется на легитимации экономических институтов выплат и пособий. При этом сразу устанавливается система ограничений на распределение ресурсов, что маркирует все виды выплат как форму контроля за женщиной-гражданином, представителем профессии, экономической единицей (не-граждане, неработающие и экономически нейтральные по отношению к государству субъекты в данном контексте априорно подвергаются эксклюзии):

«Пособия по временной нетрудоспособности и связанные с материнством рассчитываются из заработка, на который начисляются страховые взносы. В 2011 году размер базы для начисления страховых взносов составлял 463 тыс. руб., в 2012 году – 512 тыс. руб., в 2013 году – 568 тыс. руб. Повышение происходит постоянно» (Социальные пособия получают лишь те, за кого платят страховые взносы // Комсомольская правда, 14.12.2013).

В случае с «монетизацией» беременности мы можем наблюдать как репрезентацию идеологии патернализма (государство, с одной стороны, заботится, дает денег, как отец семейства, не позволяет умереть от голода, с другой стороны – констатирует несостоятельность собственных институтов выплат, но в качестве оправдательной позиции использует альтернативную номинализацию женщин: «мигрантка», «безработная» и др., проявляя в достаточной степени идеологическую позицию контроля по отношению к ним), так и идеологию контроля: «получат пособие», «произойдет повышение» – действия сконцентрированы вне субъекта, женщины выступают объектами данных действий.

Одним из способов реализации контроля над деторождением, помещающим беременность в рамки рыночных отношений, становится политический дискурс о «материнском капитале». Сама конструкция понятия предполагает материнство как отношение экономического воспроизводства. «Капитал» как символ буржуазной эксплуатации и прибавочной стоимости, как поддерживающий отношения господства агент. Поскольку «капитал» поступает от государственных институтов, они приобретают особое значение в реализации своего права контролировать и использовать производственные силы, в качестве которых рассматриваются женщины, средством производства становится способность к деторождению.

Усиление экономических коннотаций беременности, имеющих тем более прочные идеологические основания, чем в больших сферах власти-знания они производятся, реализуется в рамках дискурса о суррогатном материнстве. Экономические обоснования в категориях спроса и предложения переходят из сферы торговли и производства в сферу деторождения и материнства. Со стороны медицинского знания приводятся обоснования высокой стоимости возможности материнства. Рассмотрим, как данный дискурс транслируется СМИ:

«Как известно, спрос рождает предложение. А спрос растет: с каждым годом все больше людей готовы заплатить немалую сумму за рождение собственного ребенка. Соответственно, растут и гонорары, которые требуют суррогатные матери» (Горбачева А. Суррогат согласия // Коммерсант-Приложение, дата публикации 10.12.2013).

Экономический дискурс усиливает фетоцентрическую позицию медицинского дискурса, в рамках которого женщина рассматривается как средство для производства детей. Открывает новые возможности предоставления «объективной оценки», «расчета стоимости» беременности и деторождения. Формируется тенденция к коммодификации репродуктивности женщины. Тем самым укрепляется позиция социально-политического дискурса, приоритетной в рамках которого является идеология контроля, поскольку получает новое дополнительное обоснование необходимости контроля: за экономическими агентами, которыми становятся женщины, способные к деторождению.

Таким образом, можно сделать вывод о влиянии идеологии контроля государства за деторождением на социальные ожидания субъектов, подкрепляемые не только политическим и медицинским дискурсом, но и

дискурсом экономической власти-знания, основанном на принципах контроля за получением прибыли, дохода, спроса и предложения. Чтобы оценить, каким образом идеология контроля опосредованно детерминирует социальный статус субъекта, необходимо обратиться к понятию статусных характеристик.

Понятие «статусная характеристика» (*status characteristic*) рассматривает С. Риджвэй в рамках теории ожидаемых состояний (*expectation states theory*), где то или иное состояние определяется как статусное в случае, если оно конституируется как отличное от некоего другого состояния, одно из которых имеет положительную, а второе – полярно отрицательную коннотацию, при этом наступление такого состояния связано с изменением социального статуса. Можно сказать, что в основе таких состояний лежит бинарная оппозиция ролей, которые может осваивать индивид, в частности, в нашем случае – «матери-нематери». Комбинация практик, свойственных и ожидаемых от субъектов-носителей такой роли, в ходе анализа может давать результирующую в виде той ступени социальной иерархии, которую занимает индивид, то есть сочетание целого ряда статусных характеристик в итоге определяет положение в обществе [Correll & Ridgeway 2004].

Материнство (*motherhood*) рассматривается в работах С. Риджвэй как особая ролевая позиция, основной характеристикой которой выступает приоритетная для индивида необходимость ухода за детьми (*primary caretaker*) – потенциальная или реально наступившая. При этом абсолютно не оценивается, действительно ли эта практика будет реализована самой женщиной. В российском контексте, равно как и в западном, пока еще неизменно доминирует приписывание этой позиции именно женщине, поскольку материнство вписано в контекст женского гендерного гражданства, которое определяется целевой политикой, гендерными идеологиями и проявляется в устойчивых практиках, реализуемых женщинами [Здравомыслова 2009]. Именно такое понимание создает для исследователей пропозицию, что материнство – часть общего стереотипа, связанного с гендерным предубеждением в отношении женщин. Однако С. Риджвэй убеждена, что материнство может и должно рассматриваться как особая социальная роль, имеющая свою собственную импликацию, кроме как наличие связи со статусом пола. Если следовать данной интенции, то таким образом можно сказать, что мужчины также могут освоить эту социальную роль, являясь тем самым приоритетным агентом ухода за ребенком (*primary caretaker*). Именно в этой связи С. Риджвэй также ставит перед собой задачу соотносить, как связано материнство и характеристика «женского опыта» (*be woman*), определить, каковы последствия принятия роли «матери» для мужчины (то есть предполагается, что мужчина осваивает практики, необходимые для осуществления ухода за ребенком, отличные от практики, характерной для роли отца). Опираясь на целый ряд исследований и следуя традициям социально-конструктивистского направления, автор доказывает, что статус матери способен влиять на положение в обществе как женщины, так и мужчины в случае освоения им роли, предполагающей, что он является приоритетным агентом ухода за ребенком, то есть материн-

ство предстает как самодостаточная категория анализа гендерных отношений и как статусная характеристика.

В качестве примера, связанного с влиянием данной статусной характеристики на социальный статус субъекта в обществе, приводится исследование Э. Криттенден [Crittenden 2001], основанное на изучении кейсов, которые репрезентируют низкое положение женщин-матерей в обществе. В свою очередь яркой иллюстрацией того, что статус субъекта, освоившего практики материнства, падает, в том числе и в системе межличностных отношений, может служить автобиографическая публикация о жизни отца, оформившего «декретный отпуск» [Wiechmann & Orpen].

Для общества с развитой рыночной экономикой свойственно, что статус матерей ниже, чем статус не-матерей (мы будем использовать это понятие во избежание иных коннотаций, кроме той, что характеризует субъекта как носителя роли матери или как субъекта, который не является носителем данной роли и не осуществляет практики, связанные с материнством), хотя нельзя сказать, что эта позиция не находит уважительного отношения в обществе. Дело в том, что для рыночных отношений значительно большую ценность имеют навыки, не связанные с материнством, они же и обеспечивают более высокий статус в обществе. Навыки, которые формируются в результате осуществления работы по уходу за ребенком, также декларируются как необходимые для нормального функционирования общества, но при этом они оказываются в некоммерческом секторе экономики, становятся неотъемлемой частью дискурса о семейных, общественных и духовных ценностях, а значит, и рыночная стоимость их значительно ниже. Этот факт обосновывается разницей в зарплатах «бюджетников» (к которым относится большинство профессий по организации ухода) и представителей коммерческого сектора.

В публичном дискурсе роль «хорошей матери» оппозиционна роли «эффективного работника», а значит, материнство приобретает коннотации ограничения возможностей женщины, создавая контекст для дискриминации ее в связи с освоением роли матери [Correll & Ridgeway 2004].

Итак, в контексте господствующей идеологии и, как следствие, в системе социальных ожиданий членов общества на макроуровне женщина-мать воспринимается как обладающая довольно низким статусом по сравнению с женщиной не-матерью в целом благодаря использованию маркеров «угрозы» в системе публичных дискурсов, тенденции к коммодификации женской репродуктивности и использованию женского труда в низкооплачиваемой и дефицитной с точки зрения насыщения рынка отрасли ухода и заботы. Социальные ожидания, формирующиеся под влиянием публичного дискурса, таковы, что женщина, становясь матерью, нивелирует все остальные социальные роли и впоследствии должна затратить дополнительные ресурсы на восстановление прежнего социального статуса. Однако сам процесс снижения социального статуса в связи с материнством не является приоритетом системы гендерных социальных практик, поскольку практика ухода за ребенком может быть реализована не только женщиной.

Список литературы

- 1 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Алетейя, 1995.
- 2 Ван Дейк Т. Язык, познание, коммуникация. – Б: БГК, 2000.
- 3 Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2008.
- 4 Здравомыслова Е. Гендерное гражданство и абортная культура // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. с. 108-135
- 5 Ловцова Н. И., Ярская-Смирнова Е. Р. Демографическая проблема: кто виноват и что делать? // Мир России. – 2005. – № 4. – С. 83.
- 6 Темкина А. Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 38-65.
- 7 Barilan M. Y. Medicine as grooming behavior: potlatch of care and distributive justice // Health. – 2002. – Vol. 6. – P. 237-260.
- 8 Correll Sh., Ridgeway C. Motherhood as a status characteristic // Journal of Social Issues. – 2004. – Vol. 60. – No. 4. – P. 683-700.
- 9 Correll Sh., Ridgeway C. Unpacking the Gender System: A Theoretical Perspective on Gender Beliefs and Social Relations // Gender & Society. – 2004. – Vol. 18. – No. 4. – P. 510-531.
- 10 Morell C. Intentionally Childless Women: Another View of Women's Development //Affilia. – 1993. – P. 8, 300-316.
- 11 Parry C. D. Women's Lived Experiences with Pregnancy and Midwifery in a Medicalized and Fetocentric Context: Six short stories // Qualitative Inquiry. – 2006. – Vol. 12. – P. 459-471.
- 12 Stokes P. R. Pathology, Danger and Power: Women's and Physicians' Views of Pregnancy and Childbirth in Weimar Germany // Social History of Medicine. – 2000. – Vol. 13 (3). – P. 359-380.
- 13 Wiechmann, E. and Oppen, M. Gerechtigkeitsvorstellungen im Geschlechterverhältnis – Das Beispiel Elterngeld. // WZB Discussion Papers, SP II 2008·101, Berlin.
- 14 Zadoroznyj M. Birth and the 'reflexive consumer': trust, risk and medical dominance in obstetric encounters // Journal of Sociology. – 2001. – Vol. 37(2). – P. 117-139.